18+

Ольга Григорьева

«Зовут её Ася...»

Фрагменты из жизни Анастасии Цветаевой

Ольга Григорьева
«Зовут её Ася…». Фрагменты из жизни Анастасии Цветаевой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466932
ISBN 9785449388698

Аннотация

В новую книгу Ольги Григорьевой, директора музея Анастасии Цветаевой в Павлодаре, вошли её очерки и статьи о замечательной русской писательнице Анастасии Ивановне Цветаевой, чьё 125-летие будет отмечаться в сентябре 2019 года.Рассказывается в сборнике и о деятельности музея писательницы, который работает в Славянском культурном центре Павлодара с 2013 года; о некоторых интересных экспонатах музея.

Содержание

«Зовут её Ася…» 5
«Взгляните внимательно…» 5
Глава 1. Встреча на льду. Борис Трухачёв 8
Глава 2. Маврикий. Ранние произведения. Смерть Алёши 23
Глава 3. Эллис и Нилендер 32
Глава 4. Сын Андрей. 20-е годы. «Московский звонарь» 38
Глава 5. Крым. «В чумном да ледяном аду…» 49
Глава 6. «Лесоповал истории». Стихи 60
Конец ознакомительного фрагмента. 64

«Зовут её Ася…»
Фрагменты из жизни Анастасии Цветаевой

Ольга Григорьева

© Ольга Григорьева, 2018
ISBN 978-5-4493-8869-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Зовут её Ася…»

«Взгляните внимательно…»

Взгляните внимательно и если возможно – нежнее,
И если возможно – подольше с неё не сводите очей.
Она перед вами – дитя с ожерельем на шее
И локонами до плечей.
В ней – всё, что вы любите, всё, что, летя вокруг света,
Вы уже не догоните – как поезда ни быстры.
Во мне говорит не влюблённость поэта
И не гордость сестры.
Зовут её Ася: но лучшее имя ей – пламя,
Которого не было, нет и не будет вовеки ни в ком.
И помните лишь, что она не навек перед вами,
Что все мы умрём…

Это стихотворение Марина Цветаева написала в 1913 году. Своей младшей сестре Анастасии она посвятила немало поэтических строк. А младшая сестра увековечила детство и юность величайшего поэта 20 века в своей книге «Воспоминания», выдержавшей уже много изданий…

В сентябре 2019 года будет отмечаться 125-летие замечательной русской писательницы Анастасии Цветаевой. Её судьба оказалась связанной с Казахстаном –

с 1957 по 1962 год она жила в Павлодаре постоянно (после ссылки в деревне Пихтовка Новосибирской области), а до 1974 года ежегодно приезжала и подолгу гостила в семье сына – Андрея Борисовича Трухачёва, воспитывая внучек Риту и Олю, не прекращая работу над «Воспоминаниями» и другими произведениями. Павлодарцы хорошо помнят и «бабушку Асю», и всю семью Трухачёвых.

Мне хочется поподробней рассказать о некоторых эпизодах жизни этого удивительного талантливого человека, основываясь на свидетельствах современников и печатных источниках. Это, прежде всего, книги самой А. И. Цветаевой, воспоминания о ней и Марине, литературоведческие изыскания.

Сколько событий было в жизни Анастасии Цветаевой, не дожившей всего двух недель до 99-летия! Детство в заграничных пансионах – и лишения в революционном Крыму; поездка к Горькому в Сорренто – и сталинские лагеря; романы, опубликованные в юности – и строительство избушки в далёкой сибирской деревне… Такой диапазон одной судьбы возможен был только в двадцатом веке…

Богатое литературное наследие оставила потомкам Анастасия Цветаева. Поэтому писать о ней – и легко, и очень сложно. Ведь почти всю свою жизнь, год за годом, она описывала сама, являясь непревзойдённой мемуаристкой…

И всё же, следуя призыву Марины Цветаевой, посмотрим ещё раз внимательно на её любимую Асю – замечательную

писательницу, младшую сестру великого поэта и просто – удивительную женщину с такой богатой и сложной судьбой.

Глава 1. Встреча на льду. Борис Трухачёв

Анастасия Ивановна в памяти павлодарцев осталась человеком неординарным, чьё поведение и поступки никак не вписывались в жизнь маленького казахстанского провинциального городка 60-х годов прошлого века. Очень многие вспоминают, что видели её на катке. Кое-кто специально приходил посмотреть, как 70-летняя бабушка выписывает круги наравне с внучкой Ритой и её подружками (семья сына Цветаевой А. Б. Трухачёва жила тогда рядом со стадионом в «молгородке»). Бывали и курьёзы. Татьяна Кокорева (Пахомова), одноклассница Риты, вспоминает: «Анастасия Ивановна катается с нами, на беговых коньках. Она была худенькая, стройная, даже вёрткая… Мальчишки за нашими спинами договариваются: „Давай толкнём вон ту девчонку!“. С двух сторон подъезжают, глядь – а это бабушка!»…

О чём думала Анастасия Ивановна, описывая круг за кругом на павлодарском катке, какие зимние прогулки вспоминала? Может быть, зиму 1909 года, лёд Патриарших прудов, конькобежцев, которых описала потом в «Воспоминаниях» с таким знанием дела?

«…Пар струйками проносится от пролетающих конькобежцев, согнутых в три погибели, почти касающихся рукой льда (верней, чёрной палочкой кожаных коньковых чехлов,

зажатой в руке). Их ноги в чёрном трико летят, как раскинутые крылья ласточек, почти невесомо скользит надо льдом тело…».

Со своим первым мужем, Борисом Трухачёвым, Анастасия Цветаева познакомилась на катке. Это был 1911 год. Асе не было и 17-ти…

«Музыка гремела, летел снежок, синее небо вечера медленно и плавно кружилось над нами, и казалось, что кружится голова…».

Борис сказал при знакомстве, что ему 27 лет, на самом деле он был старше Аси всего на два года. У его родителей было имение в селе Ярцевка Воронежской губернии, куда Анастасия приедет потом с маленьким сыном. Но пока…

«…Что-то ослепительное, несомненное, никогда не виденное, пленительное, нужное было в этом подлетевшем и умчавшемся человеке. Всё остановилось. Важным было только – его возвращение.

…В его брызжущем остроумии было столько захватывающей увлечённости…, грассирующее его «р» так дразнило, его стройное, лёгкое тело (изящное не деланным, а кровным изяществом), худое лицо, тонкий нос с горбинкой и ярко очерченными ноздрями – всё было в совершенстве в первый раз! Упоительно! Ни на кого не похоже!».

Эту встречу Марина описала потом в стихотворении «Конькобежцы», посвящённом Асе и Борису:

Башлык откинула на плечи:

Смешно кататься в башлыке!
Смеётся, – разве на катке
Бывают роковые встречи?
Смеясь над «встречей роковой»,
Светло сверкают два алмаза,
Два широко раскрытых глаза
Из-под опушки меховой.
Всё удаётся, все фигуры!
Ах, эта музыка и лёд!
И как легко её ведёт
Её товарищ белокурый…

Счастливое лето 1911 года сёстры провели в Коктебеле. Марина встретилась там с Сергеем Эфроном.

«Это лето было лучшим из всех моих взрослых лет, и им я обязана тебе», – пишет М. Цветаева Максимилиану Волошину, в доме которого она познакомилась с будущим мужем. Анастасия, приехав попозже, не узнала сестру – так она похорошела, столько счастья светилось в её глазах. Потом к Асе приехал Борис Трухачёв.

Стихотворение Марины «Лесное царство», посвящённое сестре, так подходило этой юной паре, хотя написано было три года назад:

Ты принцесса из царства не светского,
Он – твой рыцарь, готовый на всё…
О, как много в вас милого, детского,
Как понятно мне счастье твоё!

…… … … … … … … ….

Хорошо быть красивыми, быстрыми

И, кострами дразня темноту,

Любоваться безумными искрами,

И как искры сгореть – на лету!

Из Коктебеля Марина и Сергей уезжали в башкирские степи, на кумыс. «Сестра Ася со своим возлюбленным – ей не было семнадцати, ему восемнадцать лет – с того же феодосийского вокзала уезжала в другую сторону, в Москву и дальше, в Финляндию. Их судьбы расходились…

Стоишь у двери с саквояжем.

Какая грусть в лице твоём!

Пока не поздно, хочешь, скажем

В последний раз стихи вдвоём…

От Ивана Владимировича всё тщательно скрывалось…» (Виктория Швейцер, «Быт и бытие Марины Цветаевой», М., «Молодая гвардия», 2002.)

Стихотворение Марины «На вокзале», датированное 1911-ым годом:

Два звонка уже, и скоро третий,

Скоро взмах прощального платка…

Кто поймёт, но кто забудет эти

Пять минут до третьего звонка?

…… … … … … … ……..

Кто мудрец, забыл свою науку,

Кто храбрец, забыл свое: «воюй!»

«Ася, руку мне!» и «Ася, руку!»
(Про себя тихонько: «Поцелуй!»)
Поезд тронулся – на волю Божью!
Тяжкий вздох как бы одной души.
И цветы кидали ей к подножью
Ветераны, рыцари, пажи.

М. Цветаева пишет М. Волошину из Москвы в Париж в конце сентября 1911 года: «…Серёжа пока живёт у нас. Папа приезжает наверное дней через 5. Ждём все (Серёжа, Борис, Ася и я) грандиозной истории из-за не совсем осторожного поведения».

Тому же адресату – в начале октября: «…Дома, где мы сейчас с Серёжей, страшный кавардак. Ася переустраивает комнату. Кстати, один эпизод: папа не терпит Борю, и вот, когда он ушёл, Ася позвала Бориса по телефону. Когда в 1 ч. вернулся папа, Борис побоялся, уходя, быть замеченным и остался в детской до 6 ч. утра, причем спускался по лестнице и шёл по зале в одеяле, чтобы быть похожим на женскую фигуру.

Ася перед тем прокралась вниз и на папин вопрос, что она здесь делает, ответила: «Иду за молоком» (которого, кстати, никогда не пьёт)…

26 сентября было Серёжино 18-ти и мое 19-ти летия. … Мы праздновали зараз 4 рождения – наши с Серёжей, Асино, бывшее 14 сентября, и заодно Борино будущее, в феврале. Как бы ты на Асином месте вёл себя с Борисом? Ведь нельзя

натягивать вожжи с такими людьми. Как ты думаешь? – Из-за мелочей».

Марина пишет М. Волошину в Москву из Палермо 4 апреля 1912 года: «…Знаешь новость? Ася после пасхи венчается с факиром».

О свадьбе Аси и Бориса вспоминает А. Жернакова-Николаева: «…Однажды перед свадьбой Аси я была у Цветаевых. Нижние комнаты были полны её приданым. В зале помещались исключительно хозяйственные предметы. Мне пришла в голову сумасбродная мысль: я предложила Андрею сыграть в цыган. Мы с ним повязали на головы красные повязки, через плечо надели красные ленты. Взяв огромный таз, мы налили в него спирт и зажгли. Это должно было изображать костер. Андрей под гитару стал петь цыганские романсы. Вдруг в зал ворвалась их знаменитая экономка Александра Олимпьевна… Всплеснув руками, она завопила: «Барышня, милая, Андрей Иванович! Да ведь вы дом сожжёте. Анастасии Ивановны приданое погубите». «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют», – засмеялась я ей в ответ.

В это время в комнату вошли Ася и Марина. Ася недовольно взглянула на нас… А Марина, с весёлыми искорками в глазах, обласкала меня несказанно милой улыбкой. Конечно, мы прекратили нашу забаву. Кстати, добавлю о свадьбе Аси. Когда все уже были в церкви и ждали жениха, он запоздал. Андрей был шафером. Потом он по секрету сказал мне, что они, шафера, застали жениха в полном парадном костю-

ме, но… запускающим во дворе воздушного змея. Он был ещё очень молод».

Стихотворение М. Цветаевой «Картинка с конфеты»:

На губках смех, в сердечке благодать,
Которую ни светских правил стужа,
Ни мненья лёд не властны заковать.
Как сладко жить! Как сладко танцевать
В семнадцать лет под добрым взглядом мужа!

Была любовь – настоящая, искренняя, необъяснимая: «Б. – в чёрном пальто, широкополой фетровой шляпе, с белокурыми, волнистыми лёгкими волосами вокруг тонкого оживлённого острого лица, его «р», его смех, все его причуды, синий блеск глаз, которые я так любила, тонкие полоски бровей… Б. – это целый мир, перед которым я часто перестаю быть собой. Я ждала его с чувством стеснённости и тоски, а рассталась с ним нежно, беспомощно, вся поникнув…

Моё сердце от иных выражений его дрожит, как ни от кого. Актёр! Ребёнок! Друг! О, эти иронические речи в течение часа, и поспешное прощание «мне пора», о, этот сарказм, который я ненавижу, но от которого всегда так больно, это красноречие, этот вздор, который он говорит, это нестерпимое поведение, эти инквизиторские вопросы, всё, что бесит меня, всё, что меня так измучило – всё это я глубоко и непонятно люблю!» – писала А. Цветаева в книге «Дым, дым и дым».

В 1912 родился сын Андрей. Жизнь молодых не ладилась.

«Мы оба были слишком молоды для брака», – признавала потом Анастасия Ивановна.

«Взглянув на нас, кто бы сказал, что мы муж и жена! Как безнадёжно чувствовалась жизнь впереди – полное отсутствие будущего. И как мудры были мы в 17 и 19 лет, иностранцы и путешественники, – что не глядели вперёд. …Ибо с такой же силой, как нам нет будущего, – прошлое для нас есть».

Это строки из романа «Amor», написанного в сталинском лагере, в 40-е годы. Вспоминая о первом муже, Анастасия Ивановна пишет «о фантастике, романтике» их встречи, «о мучениях дней, когда они перешли во враждебный мир секса, о том, как секс разбил романтику, угасил ту любовь».

Разрушил их брак не только ранний секс, но и сложный характер Бориса – «тысяча его неожиданных, ни на кого не похожих выходок, из гордыни и отрешённости зачерпнутых». Были, видимо, и чисто бытовые причины.

Р. М. Хин-Гольдовская, писательница, драматург, оставившая, может быть, и достоверные, но довольно злые воспоминания о сёстрах Цветаевых, писала в своём дневнике 18 февраля 1913 года: «…Марина Цветаева, двадцатилетняя поэтесса, жена 19-летнего Серёжи Эфрона, её младшая сестра Ася, тоже замужем за каким-то мальчиком (обе эти четы имеют уже потомство – у Марины девочка, 6 месяцев, у Аси такой же мальчик, причём каждый из этих младенцев перебывал у 6 кормилиц – по одной на месяц!..).

…Все любуются друг другом, собой, все на «ты». Брат Эфрон, Сергей, в 16 лет женился на 17-летней поэтессе Марине Цветаевой (очень красивая особа, с решительными, дерзкими до нахальства манерами); сестра этой Марины 15-летняя гимназистка вышла замуж за 15-летнего же гимназиста, кажется, третьеклассника, но зато пьяницу – первоклассного. Этот супружеский «детский сад» обзавелся потомством – у Марины – девочка, у Аси – не знаю кто…» («Минувшее. Исторический альманах». Вып. 21. – М. – СПб., 1997.)

В романе «Дым, дым и дым» А. Цветаева подтверждает пристрастие Бориса к вину: «…Он приходил, и часто вдвоём с Б-вым, в 2, 3, 4 часа утра, после игры на биллиарде, выпив много вина. Он уходил, не говоря куда, и никогда не отвечал на мой вопрос, когда он вернётся. Мы почти никогда не бывали наедине. И запершись в своей комнате, рядом с детской, где няня укачивала Андрюшу, я часами писала дневник, подводя сотый итог своей жизни, которая с ясной насмешливостью рвалась у меня на глазах».

Анри Труайя, описывая последние дни Ивана Владимировича Цветаева, замечает: «Чтобы не огорчать И.В., Анастасия не стала рассказывать ему о том, что ошиблась, выйдя замуж за Бориса Трухачёва, и что муж грозит разводом, хотя их сынишке был всего год.

…Прошли дни траура, и отношения между Борисом Трухачёвым и Анастасией Цветаевой ещё ухудшились: ссора

за ссорой, скандал за скандалом. Дело шло к полному разрыву. Покинув жену и ребёнка, двадцатилетний супруг потихоньку улизнул. Марина сразу же примчалась на помощь младшей сестре и малышу. Ей хотелось вдохнуть в Асю бодрость, поднять настроение, и она убедила Сергея, что они будут очень счастливы, если, взяв с собой Анастасию и её сынишку, отправятся в Крым погреться на солнышке. И вот все пятеро уже в Ялте, откуда – естественно – переезжают в Феодосию, поближе к Коктебелю…».

А то пророческое стихотворение Марины «Конькобежцы» заканчивалось так:

Уж двадцать пять кругов подряд
Они летят по синей глади.
Ах, из-под шапки эти пряди!
Ах, исподлобья этот взгляд!
…… … … … … ……
Поникли узенькие плечи
Её, что мчалась налегке.
Ошиблась, Ася: на катке
Бывают роковые встречи!

Из книги А. Цветаевой «Памятник сыну»: «…Через год мы с Борисом расстались – дружно: он бывал у меня, любил сына. А ещё через год я встретилась с будущим вторым мужем, Маврикием Александровичем, а Борис – со второй женой, актрисой Марией Ивановной Кузнецовой-Гринёвой, с которой я так подружилась…».

Мария Кузнецова (Гринёва), актриса Камерного театра, писала в своих «Воспоминаниях»: «Лене Позоевой (одна из актрис Камерного театра – не хватало на что-то денег, и она решила продать волчью шкуру, которую ей подарил какой-то поклонник её, убивший этого волка. Марина, видимо, сказала сестре своей Асе об этом волке, и Ася пришла к нам первый раз в Обормотник. Ася вошла в пальто и в шапке, подчёркивая, что пришла на минуту и только по делу. Поразила меня бледность её лица, только где-то местами чуть покрытая нежно-розовой тенью. Я сразу увидела большое сходство с Мариной, но Ася меньше, тоньше, нежнее. У неё добрая, прелестная улыбка полных губ. Её ярко-жёлтые, вернее золотые, глаза – прямо, доверчиво и ласково глядят в чужие глаза. Голос очень похож на Маринин, но нежнее. Держит она себя просто, доверчиво, любезно, нет и тени Мариниой застенчивости и гордости. Ася вошла не одна, а с каким-то мужчиной, которого я совсем не помню, все моё внимание было устремлено на неё. Помню, как уходил он, унося на спине купленного волка. Это была моя первая встреча с сестрой Марины, с первой женой моего мужа». **О.Г.)**

В главе «Ёлка» М. Кузнецова описывает, как она накануне Рождества пришла домой, а Борис сказал, что Марина Цветаева звала их на ёлку.

«Помню свое волнение: там я увижу первую жену Бориса и его 3-летнего сына Андрюшу». Автор рассказывает, как они пришли в гости, передаёт свой разговор с Андрюшей.

«Вошла Ася… В этот вечер она казалась мне ещё милее.

…Здесь я познакомилась с Асиным будущим мужем, милым Маврикием Александровичем. Все гости благодарили его за необыкновенный торт…

На другой день после ёлки Марина просила меня прийти к ним днём. В Марининой комнате были мы втроём: Ася, я и Марина. Так интересно, радостно и весело завязывался узел нашей дружбы и родства втроём. Мы так много и счастливо смеялись…».

И ещё один небольшой отрывок из главки «Марина и Ася у меня»: Марина «старалась… победить своё чувство неприязни ко мне. Я узнала позднее, что она звала меня не иначе как Змиевна и долго не могла простить мне, что я вышла замуж за Бориса Трухачёва, первого мужа её любимой сестры Аси, хотя прошло уже три года, как Ася с Борисом рассталась, и она была уже замужем за прекрасным человеком. Марина трогательно ревновала тогда ко мне Бориса, непосредственно, почти по-детски: Борис, мол, наш, а не твой! И <перестала ревновать> только, когда она увидела, что Ася была мне очень мила и я полюбила её…».

Да, Борис Трухачёв был человеком с большой фантазией и неординарными поступками. Л. К. Готгельф, директор музея сестёр Цветаевых в г. Александрове (Владимирская область РФ), в статье «Цветаевский Александров» пишет о встрече А. Б. Трухачёва в зале местной библиотеки с читателями. Андрей Борисович вспоминал эпизоды, связанные

с Александровым.

«…Осенью шестнадцатого года Андрюше исполнилось четыре года. Приехавший в Александров Борис Трухачёв, его отец, предлагает мальчику самому выбрать себе подарок. Андрюша только что прочитал пушкинскую „Сказку о царе Салтане“ и, вспомнив о приключениях князя Гвидона, попросил отца покатать его в бочке по „морю-окияну“. Что бы сделали в этом случае вы, дорогие читатели? Я не знаю. А вот двое взрослых мужчин, Борис Трухачёв и Маврикий Минц (второй муж Анастасии Ивановны, отчим Андрюши), законопатили в комнате пол и нижнюю часть стен, натаскали вёдрами из колодца в эту комнату воду, сколотили из досок лёгкое подобие плота и долго катали ребёнка по импровизированным волнам!..».

Добрые отношения сохранялись у Бориса и Анастасии до конца его жизни: «Когда Андрюше исполнилось пять лет (после незадолго до того лишившись моего второго мужа, отца Алёши), осталась без средств… После смерти Алёши я послала телеграмму Андрюшиному отцу: „Алёша скончался, Андрюша заболел“. Тот приехал в Коктебель из Москвы. Вместе с ним мы перевезли Андрюшу в Феодосию в гостиницу, вызвали врача. Борис привёз мне свои последние полторы тысячи, оставшиеся ему после смерти матери. Я отказалась их взять: „У вас – семья, а мне всё равно надо начинать работать“. Я поступила в библиотеку», – пишет А. Цветаева в книге «Памятник сыну».

И там же: «…Наш сын Андрей – был жизненнее, чем его отец Борис, веселее, менее оторван от жизни. В Борисе, муже моём… было приступами веселье…, но как только оно прерывалось и он оставался один – он уходил во тьму (предчувствия ранней смерти?) и погружался во мрак непостижимый…

…Прожив со мной 2,5 года и пять лет с ней (актрисой Марией Ивановной Кузнецовой-Гринёвой), он погиб, не достигнув 26 лет, от сыпного тифа и похоронен в Старом Крыму, близко от могилы Александра Грина, писателя».

И через много-много лет образ первого мужа вновь всплывает в памяти писательницы. В повести «Старость и молодость» есть эпизод, где А. Цветаева провожает сына (в Кокчетаве): «Как когда-то, провожая его отца у ворот моего отцовского дома, я стою у чужого забора, смотрю вслед. Вот ещё мелькает – всё мельче – светлый плащ, над ним – ярче – пятно шляпы… Бегу, как девчонка, – от души оторвался кусок, летит за ним под гору…».

В той же повести, рассказывая о старшей внучке: «… Но вчера в первый раз, может быть, так чётко я почуяла в Рите, в её внезапной… тоске, молчащей и неутешной, то трухачёвское начало, которое пылало ледяным огнём в её молодом деде и сквозит в его сыне, её отце.

…В Рите живёт – неожиданность, глухо. И в Андрее живёт, Борис был – её воплощением. Каждый миг; что делало жизнь с ним немыслимой…».

Одно из ранних стихотворений Марины называлось «Каток растаял»:

Каток растаял… Не услада
За зимней тишью стук колёс.
Душе весеннего не надо
И жалко зимнего до слёз.
……
…Пусть в жёлтых лютиках пригорок!
Пусть смёл снежинку лепесток!
– Душе капризной странно дорог
Как сон растаявший каток…
1910 г.

Глава 2. Маврикий. Ранние произведения. Смерть Алёши

«Мне нравится, что Вы больны не мной…» – у всех на слуху это стихотворение Марины Цветаевой, ставшее песней. Но далеко не все знают, что посвящено оно Маврикию Александровичу Минцу (1886—1917), второму мужу Анастасии Цветаевой.

«Осенью 1915 года я вышла замуж – гражданским браком – за Маврикия Александровича Минца и переехала к нему в Александров, куда он, инженер, был призван на военную службу», – пишет А. Цветаева в «Воспоминаниях».

Таких строк, какие написала она о Маврикии в «Дыме…», Анастасия не посвящала больше никому: «…Только что ушел М. А. Далеко – колокольный звон. Мне нечего записать. Ибо он – мой друг на всю жизнь, ибо я очарована им без остатка, и от того так шутливы речи мои!

…Думаю о нём. Мне хочется его видеть. Просто видеть его, слушать голос, смотреть (еле вижу от близорукости) на улыбку, шутить, парировать шутку, лежать на диване, помешивать чай, быть милой.

…Я хотела бы быть Вашей матерью, Вашей сестрой, Вашим другом, Вашей возлюбленной, если Вы этого хотите – нет! Я хотела бы быть для Вас чем-то, чем никто не будет для Вас!

…Вы зажигаете мне папиросу. Когда Вы уходите, я спокойно и тихо прошу у Вас позволить поцеловать Вашу руку.

Мне 20 лет. Меня зовут Асей. Я Вас люблю!

…М.А. и я – это совсем отдельный мир, и в то же время, он входит во все миры. Он стоит в центре моей жизни, все другие стояли в стороне».

Годы жизни с М. Минцем были счастливыми и творчески плодотворными. Первая книга Анастасии Цветаевой «Королевские размышления» вышла в Москве в 1915 году. Вслед за ней, в 1916 – «Дым, дым и дым». Известное стихотворение Марины Цветаевой «Асе»:

Ты мне нравишься: ты так молода,
Что в полмесяца не спишь и полночи,
Что на карте знаешь те города,
Где глядели тебе вслед чьи-то очи.
Что за книгой книгу пишешь…

– написано по случаю разрешения, полученного Анастасией от цензуры на печатание книги её прозы «Королевские размышления».

Это действительно размышления – о себе, о жизни, о Боге, о вере и безверии… «Я знаю, что я – один раз бывающее явление, что оно не повторится никогда и нигде, и что всё пройдёт. Что не было этого диапазона, этих сил, этих стрел, этой жажды, этой ясности, этого озноба, что всё это – единственный раз!

О, как я лечу! Как я ломаю преграды! Как я просто, как

вдохновенно живу!»

«Больше лёгкости в жизни, больше дела! Больше смеха, меньше оков! Я буду писать массу книг – и о самом разнообразном…» (А. Цветаева, «Собрание сочинений», том 1 – М., «Изограф», 1996.)

«Королевские размышления» были посвящены Маврикию Александровичу Минцу.

Летом 1916-го сестры жили в Александрове. Туда приезжал Осип Мандельштам. Марина пишет об этом Елизавете Эфрон: «День прошел в его жалобах на судьбу, в наших утешениях и похвалах, в еде, в литературных новостях.

…Мы с Асей, устав, наконец, перестали его занимать и сели – Маврикий Алекс., Ася и я в другой угол комнаты. Ася стала рассказывать своими словами Коринну, мы безумно хохотали…» («Коринна» – роман французской писательницы Анны Луизы Жермены де Сталь «Коринна, или Италия».)

25 июня 1916 года в Москве родился второй сын Анастасии Цветаевой – Алёша.

Марина пишет мужу из Александрова 7 июля (С. Эфрон находился тогда в Коктебеле): «…Ася уже ходит, я её видела вчера. Мальчик спокойный. Мы с Асей решили, если у неё пропадёт молоко, через каждые три часа загонять в овраг по чужой козе и выдаивать её дотла. Я бы хотела быть вскормленной на ворованном, да еще сидоровом молоке!».

Вторая философская книга А. Цветаевой «Дым, дым

и дым» посвящена сестре Марине. Известная исследовательница творчества М. Цветаевой Виктория Швейцер оценивает ранние книги Анастасии Цветаевой как написанные «с претензией на философию и явно «под Розанова», объясняя это тем, что «поле поэтического напряжения вокруг Марины Цветаевой было так сильно, что все её близкие: и сестра, и муж, и маленькая дочь – писали».

Мне кажется, несправедливая и неправильная позиция исследователей – оценивать творчество Анастасии Цветаевой, сравнивая сестёр, а не рассматривая прозу младшей как самодостаточное и уникальное в русской литературе явление.

Еще жёстче написала о первых книгах А. И. Цветаевой в письме к ней А. Саакянц (в 70-х годах): «Это девический словесный блуд; читать их мне было неприятно». К счастью, письмо не было отправлено, чему потом рада была сама автор. (А. Саакянц, «Спасибо Вам!». Воспоминания. Письма. Эссе. – М., «Эллис Лак», 1998.)

По-иному оценили произведения юной А. Цветаевой её современники. «Познакомившись с рукописью «Королевских размышлений», к двадцатилетней Анастасии Цветаевой приехал известный уже тогда и широко прославленный потом философствующий литератор Лев Шестов… Еще в 1905 г. Н. А. Бердяев считал Шестова «крупной величиной в нашей литературе…» (Ю. М. Каган).

Мария Кузнецова-Гринёва писала: «…Когда я прочла

только что вышедшую из печати Асину книгу „Дым, дым и дым“, Ася стала так близка моему сердцу, что я не расставалась с её книгой. Во все поездки со спектаклями, во все города, во все театры я брала эту книгу с собой. А когда мне предстояло играть трудную драматическую сцену, я в антракте прочитывала в Асиной книге главу о Стеньке Разине и персидской княжне, это помогало мне поднять зрительный зал до высокой ноты волненья. Когда Марина узнала, что я не расстаюсь с Асиной книгой, мы окончательно подружились с ней».

В надписи Станиславу Айдиняну на книге «Дым, дым и дым» А. Цветаева определяет истинное её кредо так: «Только утро любви хорошо!».

Автограф тому же адресату на книге В. В. Розанова «Уединённое»: «…на память о В. В. Розанове, друге моей юности, с которым я с девятнадцати лет (а ему было пятьдесят девять!) переписывалась и ездила в Петербург в 1914 г.». В переписку Анастасии с Розановым включилась и Марина.

В. В. Розанов отметил первую книгу А. Цветаевой «Королевские размышления» и прислал «Уединённое» со следующей надписью: «Да, ты кончишь в монастыре… Я знаю это теперь – совершенно определённо. По тому пылу, с каким ты отвергаешь Бога…».

Переписка её с В. В. Розановым, к сожалению, не сохранилась.

В послесловии к книге «Дым, дым и дым», написанном

Анастасией Ивановной в 1987 году (вошло в первый том «Собрания сочинений») говорится: «Я её люблю, как моё дитя, неразумное, не о том страдающее, о чём бы нужно, пыл свой тратившее щедро (что хорошо), но не на то, на что такой запал был направлен…».

В этой книге, может быть, действительно в чём-то наивной – удивительная для 20-летней женщины мудрость и россыпи афоризмов: «Ожидание – это точно кто-то тихо пьёт твое сердце».

«…Что такое любовь? Всё? – нет, часть жизни. Я дня не могу прожить без любви, но я ни за что не скажу: любовь – всё, иного нет смысла».

«Всю жизнь буду жить одна. Поняла это. Потому что обожаю тишину, и себя в ней».

«Жизнь пройдёт, все пройдёт, твёрже, скорее, чем мнится! Уж нет этого дня, и он никогда не повторится…».

Отдельные отрывки – настоящие стихотворения в прозе:

«…И какой хочешь, ты меня можешь сделать: ласковой, остроумной, задумчивой…

Блажен, держащий сердце моё – в руках.

Могущий замедлить свой шаг у дверей моих.

Имеющий впереди – всю сладость

Начала любви ко мне!»

Да, она была счастлива тогда – любяща и любима…

Весной 1917 года А. Цветаева с сыновьями уехала в Крым. И – страшный, несправедливый, внезапный удар судьбы:

в мае скоропостижно скончался Маврикий Александрович. Она срочно вернулась в Москву, но не успела даже на похороны. Поехала назад, в Коктебель, к детям, к Волошину и его матери, с которыми легче было пережить горе, но, как пишет Виктория Швейцер, «горе гналось за ней по пятам. Через два месяца в Коктебеле умер её младший сын – годовалый Алёша. Марине было до боли жалко сестру, страшно за неё, хотелось быть рядом, но поехать к ней сразу она не могла и поддерживала письмами. „Ты должна жить“, – писала она Асе».

В романе «Amor» А. И. Цветаева вспоминает: «…Ещё нет младшему года, когда в девять дней от гнойного аппендицита – ошибка врачей – умирает Маврикий. Я стою на Дорогомиловском кладбище не в силах что-либо понять… А через шесть недель в Крыму – умирает в пять дней наш сын, начавший ходить, говорить, так на отца похожий! Я осталась в двадцать два года одна…

…В Бога, в иную жизнь я не верила. Здесь же – потерян смысл. Рот закрыт для общения с людьми. Если б не болезнь сына…».

Да, надо было заботиться о старшем сыне, лечить его. Надо было жить.

В «Памятнике сыну» Анастасия Ивановна пишет об этом трагическом времени: «…Алёша заболел дизентерией. Я тут же передала соседке Андрюшу… через пять дней Алёша скончался. Умершего мы его, конечно, Андрюше не показа-

ли, на похороны не повели. Потому от вести, что Алёши нет, что он в земле, на кладбище, Андрюша пришёл в страшное негодование! „Как вы могли отдать закопать в землю Алёшу?!“ – кричал сын».

Е. О. Кириенко-Волошина (мать Максимилиана Волошина) писала В. Я. Эфрон: «Не знаю, как подействовала смерть Маврикия на Асю: я её ещё не видела; она не сегодня-завтра должна приехать из Феодосии, куда только что возвратилась из Москвы, не застав его уже в живых. Меня смерть этого мало мне знакомого мужа Аси поразила ужасно и сжалось сердце жалостью к этому молодому, скромному, молчаливому человеку, такому застенчивому в своем военном мундире…».

Слова Анастасии, посвящённые второму мужу, звучат как молитва: «Сию страничку жизни пресловутой моей – я посвящаю Вам, Маврикий Александрович, друг мой, спаситель и защитник от людских нареканий, дабы могли Вы, проникшись ею, лучше знать непонятное сердце моё, которое кладу в дне сем в Ваши руки – дабы благостно ко мне отнеслись и оценили веселие – поступки смешные и недостойные, гордостью зело переполненные…».

О сыне Алёше такие строки в романе «Amor»: «…Очень лёгкие кольца кудрей, золотистых – надо лбом и над ушками… Алёша был весёлый ребёнок! Совсем здоровый. Зачем нужна его смерть? Где он? Тело в земле. Его смех? Голосок! Его ласковость! Его остроумие! Уронил яйцо, разлилось. Он

смеялся, кричал „а-а!“. Где это всё? Не в могиле… Но рассудок диктует отсутствие Бога, невозможность жизни не в теле».

В этом же романе – воспоминание о том, как через два года она пришла на могилу сына: « – Алёшенька, сыночек мой!.. позабытый… – спотыкаясь, проговорила Ника (героиня романа – … и упала на колени, на сухую пустыню земли, и, поцеловав землю, легла на неё, как ложится пёс на могилку хозяина, у почти сравнявшегося, выветренного холма с маленьким покосившимся крестом. Она встала, когда потемнело. В небе были кроткие звёзды. Спокойная, всё решившая. Алёша, маленький, нигде не сущий – встретил, утешил, научил лучше всех, её утешавших». **О.Г.)**

Смерть Алёши осталась раной на всю жизнь… Многие «странности» Анастасии Ивановны (по отношению к внучкам), о которых вспоминают павлодарцы, вполне объяснимы этой страшной потерей. Ольга Трухачёва рассказывала, что бабушка не позволяла им с Ритой есть ягоды или фрукты, пока не обдаст их несколько раз кипятком и не доведёт до кашеобразного состояния. Это вспоминают и Ритины одноклассницы, которые, ясное дело, беззаботно ели малину прямо с куста, немытую. Но у бабушки Аси перед глазами стояли ягоды, которые съел Алёша…

Глава 3. Эллис и Нилендер

«…Метёт и метёт метель жизни», – писала А. Цветаева в «Московском звонаре». …Привычно скользят беговые коньки, Анастасия Ивановна описывает круг за кругом по павлодарскому катку, оставив позади внучку Риту с подружками… А, может быть, ещё один конькобежец вспоминался ей в те минуты – незабвенный Эллис (Лев Львович Кобылинский), поэт и переводчик, друг юных сестёр Цветаевых, первый «настоящий поэт», встреченный ими? Вот его стихотворение «На коньках»:

Сегодня по льду весело скользя,
Я любовался, я шутил с тобою,
То, может быть, опять судьба моя
Безжалостно смеялась надо мною,
А я скользил, и улыбался я…
Мелькали тени вдруг, мелькали хлопья снега
Кружась, как наши робкие мечты,
И, радостно смеясь в пылу разбега,
Вся – красота, и грация, и нега
Неудержимо ускользала ты.

(Эллис, «Неизданное и несобранное», Томск, «Водолей», 2000.)

Марина Цветаева напишет о нём потом в эссе об Андрее Белом: Эллис – «переводчик Бодлера, один из самых страст-

ных ранних символистов, разбросанный поэт, гениальный человек…».

Сёстры проводили с Эллисом вечера, а иногда и ночи, слушая его вдохновенные монологи. Часто под утро шли его провожать. Валерия Цветаева вспоминала: «Чтобы помешать таким проводам, отец уносил из передней пальто. Но это не помеха: Ася, на извозчичьей пролетке, забыв о всяком пальто, с развевающимися волосами, таки едет провожать… Какие тут возможны уговоры?».

«Расставшись с Эллисом, девочки с трудом возвращались „на землю“, к гимназии, урокам – прозе дней. Высший накал этой дружбы пришёлся на весну 1909 года, когда Иван Владимирович уезжал на съезд археологов в Каир, и Марина с Асей чувствовали себя дома абсолютно бесконтрольными». (В. Швейцер.)

«…Бурное воздействие оказал Эллис на Марину и Асю в самую восприимчивую, переломную пору их жизни», – писала в своих «Записках» их старшая сводная сестра.

Одно из своих стихотворений Эллис посвятил младшей Цветаевой. Оно называлось «Прежней Асе» и вошло в книгу «Арго». Это была первая детская влюблённость и, может быть, первая ревность к старшей сестре. Они ведь дружили все вместе, а Эллис вдруг передал письмо Марине с предложением выйти за него замуж!

Письмо принёс Владимир Нилендер, поэт, переводчик, с которым сёстры тоже подружились. Но если стихи Марины,

посвящённые Эллису, были написаны от имени двух сестёр, то те, которые связаны с Нилендером – только от Марины.

30 декабря 1909 года Нилендер сделал предложение Марине, которое было отклонено. Она пишет стихотворение «Сёстры».

Эпиграф на французском: «Ибо всё лишь сон, о моя сестра!»

Им ночью те же страны снились,
Их тайно мучил тот же смех,
И вот, узнав его меж всех,
Они вдвоём над ним склонились.
Над ним, любившим только древность,
Они вдвоём шепнули: «Ах!»…
Не шевельнулись в их сердцах
Ни удивление, ни ревность.
И рядом в нежности, как в злобе,
С рожденья чуждые мольбам,
К его задумчивым губам
Они прильнули обе… обе…
Сквозь сон ответил он: «Люблю я!»…
Раскрыл объятья – зал был пуст!
Но даже смерти с бледных уст
Не смыть двойного поцелуя.

«Может показаться, что возник любовный треугольник – две сестры и он, – пишет Лилит Козлова в статье-эссе „Росток серебряный“ („Танцующая душа“, Ульяновск, 1992). –

Возможно, так показалось и Марине, и она не была до конца уверена, что Нилендер отдаст предпочтение именно ей. Может быть, она сочла, что и предложение-то он сделал ей лишь как старшей, уже созревшей для замужества, – не более. Скорей всего, не случайно это упорное подчёркивание тройственности».

Как бы от имени Нилендера Марина пишет стихотворение «Втроём»:

…Обе изменчивы, обе нежны,
Тот же задор в голосах,
Той же тоскою огни зажжены
В слишком похожих глазах…

А в стихотворении «Два в квадрате» в поле зрения уже четверо – Марина и Ася, Эллис и Нилендер:

Не знали долго ваши взоры,
Кто из сестёр для них «она»?
Здесь умолкают все укоры —
Ведь две мы. Ваша ль то вина?
– Прошёл он! – Кто из них? Который?
К обоим каждая нежна.
Здесь умолкают все укоры, —
Вас двое. Наша ль то вина?

Сёстры очень переживали недоразумение, случившееся с «чародеем»: Эллис, завсегдатай дома Цветаевых, вырезал несколько страниц из книг читальни Румянцевского музея (директором которого был И. В. Цветаев!). Позднее версию

злоупотребления отбросили, дело обошлось без суда, но Лев Львович перестал бывать в их доме…

Марина была тогда в Париже и узнала об этом скандале от Анастасии. В письме к Андрею Белому Эллис писал: «Вчера вдруг получаю письмо из Парижа от старшей дочери Цветаева, Маруси, моей большой поклонницы. Она всё узнала от Аси… Маруся мне пишет, что она, веря в меня и не требуя никаких доказательств, считает своей обязанностью сделать всё, чтобы меня спасти…» (А. Белый «Между двух революций». – М., Х.Л., 1990.)

«И можно всё простить за плачущий сонет!» – написала Марина в стихотворении «Бывшему Чародею»:

Свободный и один, вдали от тёмных рамок,
Вы вновь вернётесь к нам с богатою ладьёй,
И из воздушных строк возникнет стройный замок,
И ахнет тот, кто смел поэту быть судьёй!

Кто-то объяснял произошедшее рассеянностью Эллиса, кто-то искал более глубокие причины. Анри Труайя, автор серии «Русские биографии», высказывает в своей книге гипотезу, что Иван Владимирович сам спровоцировал это преступление, чтобы положить конец близости Эллиса с Мариной и Анастасией (А. Труайя, «Марина Цветаева», «Эксмо», 2003). Хотя исследователи больше доверяют «Воспоминаниям», в которых Анастасия Ивановна пишет: «…Что папа жалует Эллиса – зналось: увидев его, он что-нибудь говорил доброе и шёл снова вниз по тёмной лестнице…».

В главе «Сказочник. Возвращение папы из Каира. Выпускной вечер» приводятся отрывки из поэмы Марины «Чародей» (на 4-х страницах!). Итак, 1909 год в жизни сестёр можно было назвать годом Эллиса, следующий – годом Нилендера. А в 1911 году они обе встретят своих будущих супругов: Ася – на катке – Бориса Трухачёва, Марина – в Коктебеле – Сергея Эфрона.

Может быть, и в Финляндии, куда Анастасия поедет со своим юным мужем, вспомнится ей стихотворение Эллиса, которое так и называется – «В Финляндии»:

Долго с тобой мы на шхерах сидели,
Слушая шелест волны.
В даль бесприветную долго смотрели,
Смутной тревогой полны…

О, если бы могли представить себе счастливые тогда сёстры Цветаевы, какие тревоги и трудности готовит им судьба…

Глава 4. Сын Андрей. 20-е годы. «Московский звонарь»

Врач Валентина Ивановна Шишкина, которая в 1957 году окончила медицинский институт и начала работать в Павлодаре участковым терапевтом, вспоминает, как в тот год к ней на приём зашли двое: маленькая сухонькая бабушка и симпатичный мужчина лет пятидесяти, интеллигентного вида. В этом не было ничего удивительного – нередко взрослые дети приводят к врачу престарелых родителей… Но оказалось – на-оборот. Это бабушка привела на приём сына! Анастасия Ивановна сказала, что её очень беспокоит кашель Андрея, попросила направление на рентген. «У нас в семье плохая наследственность по туберкулезу, – добавила она, – моя мама умерла от туберкулеза, сводный брат…». К счастью, обследование Андрея Борисовича не подтвердило её опасений. У него был катар верхних дыхательных путей.

Эта необычная семья надолго запомнилась Валентине Ивановне. Была она у них и дома, по вызову, на улице Карла Маркса…

Андрей Борисович Трухачёв родился в Москве 9 августа (по старому стилю) 1912 года. По воспоминаниям Анастасии Ивановны, беременность протекала сложно (ей не исполнилось и 18-и лет). Врачи беспокоились за её здоровье, советовали прервать беременность, но она отказалась.

В «Памятнике сыну» она пишет: «Перед самыми родами Борис читал мне вслух Гоголя. Под страницы его начал рождаться наш сын». Рожала молодая мама девять часов.

Раннее детство Андрюши было безоблачным и безмятежным (имение Трухачёвых Ярцевка Воронежской губернии, няньки и кормилицы), а с 1917 года, когда они остались в революционном Крыму вдвоём с матерью, без средств к существованию, началось время испытаний и раннего взросления (об этом подробнее – в главе «Крым. «В чумном да ледяном аду…»).

Дети Марины и Аси – Ариадна Эфрон и Андрей Трухачёв родились с разницей в три недели, росли вместе. В письмах Марины Цветаевой немало слов о племяннике. В её письме сёстрам Эфрон в Коктебель из Москвы, 17 августа 1913 года: «…Ночевала я в Трёхпрудном, где сейчас Ася, Борис и Андрюша. Андрюша очень вырос, с длинными золотистыми волосами и очень тёмными серо-зелёными глазами. Ася с ним и Б (орисом) на зиму едет в Феодосию».

9 марта 1914 года Марина пишет из Феодосии В. Я. Эфрон: «…Андрюша хорошо бегает, лазит лучше Али, вообще физически проворней. Он ужасно похож на Асю.

Ася думает ехать в Коктебель в конце апреля, мы с С (ережей) – увы! – только в июне».

Из Коктебеля в Москву, тому же адресату 6 июня 1914 года: «…Скоро будет неделя, как я здесь. Природа та же – бес-

конечно хорошая и одинокая, – людей почти нет, хотя полны все дачи, – настроение отвратительное. Милы: Пра, Майя, Ася, Андрюша, Аля.

…Мы с Асей живем очень отдельно, обедаем в комнатах, видимся с другими, кроме Пра и Майи, только за чаем, 1/2 часа три раза в день. И то всё время споры, переходящие в ссоры, которые, в свою очередь, возрастают до скандалов».

Марина описывает Андрюшу: «Асю обожает: целует, обнимает, силится поднять, зовёт, целует её карточку и всем даёт целовать (это еще до её приезда)».

27 февраля 1921 года Марина Ивановна пишет мужу: «Вы и Аля – и ещё Ася – вот всё, что у меня за душою…».

После ужасных лет революционного Крыма Анастасия с сыном вернулись в Москву. «Приехала в конце мая двадцать первого года Ася с Андрюшей. Казалось, одиночеству пришёл конец, две родные души воссоединились, жить станет вдвое легче. Они поселились у Марины. Асе надо было начинать жизнь буквально сначала. За годы войн и революций она потеряла всё: деньги, жильё, вещи. Марина готова была делиться с нею тем, что имела, но прежней близости уже не было – это стало ясно в первые дни. „Ася меня раздражает“, – сказала Марина ошеломлённой Звягинцевой, знавшей, с какой страстью и нетерпением ждала она приезда сестры. Может быть, Марина ожидала, что сестра в какой-то мере компенсирует отсутствие Серёжи, что вместе с нею легче будет ждать и надеяться. Но никто никого никогда не мо-

жет заменить. Ася молчала о слухе, что какого-то Эфрона расстреляли в Джанкое. Это молчание разделяло их? В ответ Марина молчала о своих страхах: сестре хватало своих бед и забот, „и у неё не было Сережи“. Так или иначе, Цветаева начала искать для сестры отдельное – хотя бы временное – пристанище». (В. Швейцер.)

В очерке «Маринин дом» (глава «Разруха») А. Цветаева приводит слова Марины, сказанные при встрече в 1921 году: «…А в ЦУПВОСО, куда мне тебя удалось устроить вести школу ликбеза, – там хороший паёк! Ах, Ася, если б ты знала, какие чудные там были красноармейцы, какие люди! Вот этот, один из них, Борис Бессарабов, и помог мне с вывозом тебя из Крыма, когда тамошний твой Наробраз не хотел тебя отпускать из той библиотечной секции».

С этим ЦУПВОСО – центральным управлением военных сообщений – связана такая история (её описывает Ариадна Эфрон в своих дневниках). Она пишет, что мать «очень болезненно откликалась на каждую измену духу русского языка. Вот так же болезненно можно восчувствовать отравление воздуха, которым должен дышать.

Пришла Анастасия Ивановна и сказала, что на Большой Никитской напротив Консерватории появилась вывеска с названием нового учреждения «ЦУПВОСО». Марина не поверила: «Ася, ты шутишь!» – «Поди сама посмотри…». Пришли и видим: да, действительно: «ЦУПВОСО». Стояли, смотрели, молчали. Обратно шли молча и медленно. Она

шла бледная, слегка склонив голову на плечо, курила папиросу за папиросой. Два-три дня ни слова о вывеске на Большой Никитской. И вдруг вечером у печки схватилась за голову: «О боже мой! Цупвосо!».

М. Цветаева пишет Ариадне в июне 1921 года: «…Живу, как всегда: почти что не отрываюсь от письменного стола, иногда хожу на рынок с Андрюшей, – редко, – безденежье. Но все мы сыты: Борис приносит хлеба, Асины знакомые – щепок.

…Ася с Андрюшей скоро переезжают, будут жить на Плющихе, Ася нашла службу, скоро будет получать паёк. Пока дружно съедаем твой хлеб (бедная Аля!)…». (Аля гостила тогда по приглашению знакомого матери Б. К. Зайцева в доме его родителей в Притыкине Каширского уезда Тульской губернии).

В Москве трудности младшей сестры не закончились. «Не забыть, как в голодный год с помощью профессора, знавшего папу, Андрюшу устроила в привилегированного типа приют (с 11—14 лет – на воздухе учили ремёслам (кроме школы, учёбы), а я работала и возила ему усиленное питание.

Как он, помню, на весть, что приехала мать, кинулся мне навстречу…», – пишет Анастасия Ивановна в «Памятнике сыну».

А в очерке А. Цветаевой «Воспоминания о писателе Иване Сергеевиче Рукавишникове» об этом времени написано

так: «…И тоска вдруг взяла – о моём 12-летнем сыне Андрюше. Только раз его увидела, за эти недели, сероглазика моего, родного…

…Андрюша мой еще в приюте, там хорошо кормят, – там, где они живут в маленьких старых домиках; большой сад, их учат не только русскому и арифметике, а и ремёслам…».

Андрей рос очень внимательным и заботливым сыном, и эти чувства к матери он пронёс до конца своих дней…

В повести «Старость и молодость» А. Цветаева вспоминает, какой подарок сделал ей сын в день рождения много лет назад: «11-летний Андрюша утром – у моего изголовья – стул, и по его ободку – 12 половинок яблок! 12 дней копил, съедая лишь половинку у меня на глазах, на подарок мне – незаметно прятал…».

Пишет автор в этой повести о том, как 53-летний Андрей Борисович рыбачит вместе с Ритой на озере в Кокчетаве – и снова воспоминания о нём, маленьком Андрюше: «…Давно ли я с 10-летним сыном – на мосту над рекой в Звенигороде, его первая банка с плотвою…».

В 20-е годы Анастасия Ивановна работает над повестью об уникальном человеке, музыканте Константине Сараджеве, мастере колокольного звона. Наброски этой повести она читала Горькому в Сорренто в 1927 году, писатель одобрил и поддержал её работу.

Рукопись книги о звонаре не сохранилась. К воссозданию её А. Цветаева вернулась в середине 70-х, дополнив

свою работу материалами, которые предоставили ей родные К. Сараджева. Анастасия Ивановна отправила рукопись новой книги величайшему в музыкальном мире авторитету – Д. Д. Шостаковичу и получила ответ: «Вашу повесть я прочёл с большим интересом. Всё, что касается музыки, написано вполне убедительно и не вызвало у меня никаких возражений. Лучшие пожелания. Д. Шостакович». Впервые «Сказ о звонаре московском» был напечатан в 1977 году в журнале «Москва» (№7). Книга «Мастер волшебного звона» А. И. Цветаевой в соавторстве с Н. К. Сараджевым (братом героя книги) вышла в издательстве «Музыка» в 1986 году, переиздана в 1988 году 50-тысячным тиражом!

В основу книги положена повесть А. Цветаевой «Сказ о звонаре московском». Она была расширена и дополнена материалами, сохранившимися в семейном архиве Н. К. Сараджева.

«Рассказ о человеке, который выделяется среди миллионов (а то и миллиардов) своих собратьев исключительной силой своего природного дара, всегда возбуждает пристальное внимание, даже особый род любопытства. Они возрастают во сто крат, если автором повествования о таком герое является писатель, владеющий тайнами художественного слова. Специфическая манера повествования, характерные обороты речи, её доверительный тон, оригинальный, ни с чем не сравнимый стиль изложения как всегда характерны для А. И. Цветаевой. Герой её рассказа заново рождает-

ся на страницах книги и проходит свой нелегкий жизненный путь как человек, до самозабвения преданный любимому делу…», – написал в предисловии к этой книге М. Тараканов.

У книги два эпиграфа. Первый – слова М. Горького, адресованные А. Цветаевой: «…Повесть про звонаря у Вас получится хорошо, если напишите – как рассказали! …Я этим делом в своё время интересовался, когда приходилось мне в старых русских городах бывать, где знаменитые звонари отличались… Ведь это – народное творчество, да, один из видов его, оно имеет свою историю…».

Второй эпиграф – отзыв А. В. Свешникова об игре К. Сараджева: «Звон его совершенно не был похож на обычный церковный звон. Уникальный музыкант! Многие русские композиторы пытались имитировать колокольный звон, но Сараджев заставил звучать колокола совершенно необычайным звуком, мягким, гармоничным, создав совершенно новое их звучание».

Но лучше всего о Котике Сараджеве написала Анастасия Ивановна: «…Он жил в мире звуков, этот мир был беспределен, в нём он был дома, и ничто его не смущало. Центр мира был – колокольный звон».

Повестью о звонаре А. Цветаева опередила свое время. Наверное, только в 21 веке по достоинству оценят эту вещь, перекликающуюся с «Парфюмером» Патрика Зюскинда, так же тонко исследующую необыкновенные способности человека (у Цветаевой – музыкальные, у Зюскинда –

обонятельные).

Первоначальная рукопись «Звонаря» погибла, как и многие другие рукописи А. Цветаевой, при её аресте 2 сентября 1937 года.

Андрея Борисовича арестовали в один день с матерью. Андрей приехал в Тарусу со своей невестой Таней. Когда Анастасия Ивановна вернулась домой с прогулки, там уже шёл обыск. Вскоре пришел Андрей с подругой. Энкавэдэшник, указав на Андрея, спросил: «Кто это?» Анастасия Ивановна ответила: «Сын». Андрей был тут же арестован. Когда спросили о девушке, Анастасия Ивановна, уже сориентировавшись, сказала, что впервые её видит… Таню отпустили.

Анастасия Ивановна просидела 5 месяцев в Бутырках, потом её ждали 10 лет лагерей на Дальнем Востоке. Андрею дали пять лет. После окончания срока он работал в Архангельском военстрое, там встретился с Ниной Андреевной Зелениной, женился. Когда А. Цветаева приехала к ним в посёлок Печаткино под Вологдой, в 1947 году, Нина Андреевна была беременна. Через сорок дней после приезда Анастасии Ивановны родилась её первая внучка Рита. Имя ей дала бабушка.

Через год и четыре месяца А. Цветаеву снова арестовали и после пяти пересыльных тюрем отправили на вечное поселение в Сибирь (деревня Пихтовка Новосибирской области).

Андрей Борисович тоже был арестован повторно, отсидел ещё четыре года. Недолго они жили в Башкирии, а потом –

Павлодар, на целых 18 лет…

«В 1956-м году, после неправедно задлившегося заключения, он вернулся в семью (45 лет), и в 1957 году родилась его вторая дочь Ольга, на 10 лет моложе старшей, Маргариты.

Мы жили 18 лет в Павлодаре, где он работал фининспектором строительства. На пенсию он вышел 63-х лет и после долгих хлопот получил квартиру и прописку в Москве. На пенсии он занялся огородным делом и до последнего своего года привозил мне овощи со своего огорода, что мне было особенно ценно, так как я с юности – вегетарианка».

Это строки из книги «Памятник сыну», которая была выпущена Домом-музеем Марины Цветаевой и посвящена А. Б. Трухачёву. Он умер 31 января 1993 года. Для матери это было страшным ударом, её не стало через полгода – 5 сентября.

«Мы, Цветаевы, все творцы и мечтатели», – эти слова А. Б. Трухачёв сказал в 1992 году в беседе с журналисткой Марией Разик. И продолжил: «Мой дед подарил миру Музей, которому нет равных. Моя тетя подарила людям прекрасные стихи». Но и сам Андрей Борисович, на долю которого выпала нелёгкая, полная лишений судьба, всю жизнь оставался творцом и мечтателем. Пусть он не стал писателем, поэтом и художником (он закончил архитектурный институт) – сын Цветаевой относился творчески к самой жизни, что проявлялось в его общении с детьми, родными и друзьями, в его стихах и рисунках…

в Павлодаре Андрея Борисовича Трухачёва вспоминают как очень аккуратного, воспитанного, интеллигентного человека, интересного собеседника, хорошего специалиста. Антонина Михайловна Желиховская, сейчас пенсионерка, работала с Трухачёвым в одном строительном управлении. «Андрей Борисович был сметчиком на строительстве, – вспоминает она. – Мы, молодые специалисты, учились у него отношению к делу…».

Глава 5. Крым. «В чумном да ледяном аду…»

Осень 1917-го. В Феодосию к Анастасии приезжает Марина – поддержать сестру в её горе. Дочерей – 5-летнюю Ариадну и маленькую Ирину, которой нет ещё и года, она оставила на попечение сестёр мужа и прислуги.

Марина пишет мужу из Феодосии 19 октября 1917 года: «Дорогой Серёженька, Вы совсем мне не пишете. Вчера я так ждала почтальона – и ничего, – только письмо Асе от Камковой (знакомая А. Цветаевой – Ася всё ещё в имении (в имении И. В. Зелинского – Она выходила сына Зелинского от аппендицита, он лежал у неё тут три недели, и теперь родители на неё Богу молятся. **О.Г.). О.Г.).**

…Я живу очень тихо, помогаю Наде (няня сына А. Цветаевой – сижу в палисаднике, над обрывом, курю, думаю. Здесь очень ветрено, у Аси ужасная квартира, сплошной сквозняк. Она ищет себе другую». **О.Г.),**

Марина Ивановна в это время, как она пишет, «сторожит Андрюшу».

«…Крупы здесь совсем нет, привезу что даст Ася. Везти ли с собой хлеб? Муки тоже нет, вообще – не лучше, чем в Москве. Цены гораздо выше. Только очередей таких нет».

Но скоро, очень скоро начнутся и очереди, и нехватка продуктов и воды…

Крым времён гражданской войны, «первых лет красного террора» безжалостно описан Иваном Шмелёвым в «Солнце мёртвых». Некогда благодатный край голодал… Люди убивают друг друга за кусок хлеба… Мальчишки, как собачонки, грызут копыто лошади, которая пала ещё зимой… 12-летняя девочка продаёт себя за один обед… Всемирно известный профессор, автор учебников, ходит в лохмотьях по базару и побирается…

Всё это видела и Анастасия Цветаева. Её воспоминания о тех страшных годах разбросаны по разным её произведениям и часто звучат в унисон шмелёвским картинам бедствия.

Может быть, о том же самом профессоре вспоминала Анастасия Ивановна, встретившись с сестрой весной 1921 года: «…И был ещё один человек, в Судаке застрявший, – старый профессор Кудрявцев… Его статьи – в энциклопедии, петербуржец, старик…».

В очерке «Сон наяву, а может быть явь во сне?» А. Цветаева так описывает 1919 год: «Те, что вошли в город от дачи Стамболи – справа, объявили амнистию, и мирно не знали о входивших от мыса Св. Ильи… слева. Амнистия? – Террор?.. их встреча. Ранее, чем сообразили первые, что происходит, вторые осмеяли и отменили амнистию…

Ночь… допрос пойманных амнистированных генералов и офицеров.

Допрос-приговор. Допрос-приговор. Очередь взятых в городе…».

И – словно в продолжение – в «Солнце мёртвых» Шмелёва: «В зимнее дождливое утро, когда солнце завалили тучи, в подвалах Крыма свалены были десятки тысяч человеческих жизней и дожидались своего убийства. А над ними пили и спали те, что убивать ходят. А на столах пачки листов лежали, на которых к ночи ставили красную букву… одну роковую букву. С этой буквы пишутся два дорогих слова: Родина и Россия. „Расход“ и „Расстрел“ тоже начинаются с этой буквы. Ни Родины, ни России не знали те, что убивать ходят. Теперь ясно».

…Да нет, да нет, – в таком году
Сама любовь – не женщина!
Сама Венера, взяв топор,
Громит в щепы подвал.
В чумном да ледяном аду,
С Зимою перевенчанный,
Амур свои два крылышка
На валенки сменял.
(М. Цветаева, «Поцеловала в голову…»)

В повести «Старость и молодость», описывая трудности с водой в Кокчетаве, А. Цветаева опять вспоминает Крым: «…Она иногда кажется мне тою серебряной водой – влагой, какой в 19-м году века являлась в Судаке в пору гражданской войны: колодцы близ моря – солёные, а за пресной водой было далеко идти по горной тропинке (да ещё дадут ли взять?) – и, принесённая, цедилась на полустаканы и отлива-

ла целебностью и серебром».

В той же повести – вновь и вновь – отзвуки страшного времени: Анастасия Ивановна с наступлением холодов отдала Рите матрац, под ним лежали две старые хозяйские телогрейки… «Мощусь на них… До сих пор касалась их с отвращением (всё живёт в памяти завшивленность шинелей и телогреек гражданской войны)».

Там же: «…Где моя силушка, ворочавшая (не телом, всегда худая была) – энергией молодости и упорства – …брёвна для топки в годы разрухи…».

Девочка, выросшая в интеллигентной дворянской семье, с заботливыми няньками, строгими наставницами в пансионах, пишущая романы – ворочала брёвна, таскала воду, добывала еду для семилетнего сына. Боролась, как могла, с «широковетвистой мелочью быта» (выражение М. Цветаевой). Как подходили ей тогда слова Марины, которые писала она в записных книжках: «Когда я, в отчаянии от нищенства дней, задушенная бытом и чужой глупостью…».

«Из всех, кого я знаю, кажется только мы с Асей приняли всерьёз библейское слово о добывании хлеба насущного в поте лица своего…».

«У нас с Асей роман с чёрной работой». (М. Цветаева, «Неизданное. Записные книжки. В 2-х т. Том 1». 1913—1919 гг. – М., «Эллис лак», 2000.)

А была я когда-то цветами увенчана
И слагали мне стансы – поэты.

Девятнадцатый год, ты забыл, что я женщина…

Я сама позабыла про это!

Марина Цветаева писала это в октябре 1919 про свою жизнь в голодной и холодной Москве. Получилось, что и о сестре тоже…

Она не имела от Аси никаких известий и очень переживала за сестру. Письмо М. Цветаевой В. К. Звягинцевой от 18 сентября 1919 года:

«…Недавно пошла вечером с Алей и Ириной в церковь – оказалось – канун Воздвижения, Асиного 25-летия.

– Мы обе родились в праздник… Я думала: если Ася жива, она знает, что я об ней думаю, – думала именно этими словами, только это, весь вечер». (Дни рождения сестёр Цветаевых: Марины – 26 сентября, Анастасии – 14 сентября по старому стилю).

Долгожданная весточка от Аси не успокоила, а добавила волнений. Письмо М. Цветаевой Е. Л. Ланну от 29 декабря 1920 г.: «Дорогой Евгений Львович! У меня к вам большая просьба: я получила письмо от Аси – ей ужасно живётся – почти голод – перешлите ей через верные руки тысяч двадцать пять денег, деньги у меня сейчас есть, но никого нету, кто бы поехал в Крым, а почтой – нельзя. Верну с первой оказией: – Ради Бога!».

Ему же – от 15 января 1921 г.: «…Получила за это время два письма от Аси… – несколько строк отчаянной любви по мне (нам!) и одиночества. – Ася! – Это поймёте толь-

ко Вы.

Живёт одна, с Андрюшей, служит – советский обед и 1 фунт хлеба на двоих – вечером чай – так чудесно и сдержанно – чай – и конечно без хлеба, ибо – если было бы с хлебом – так и было бы написано: с хлебом».

В том же письме: «Вы нас мало знаете в быту: у того, кто нас любит – мы не просим, а те, кто нас не любит – не дадут… И эти – всегда на наивысший лад отношения – с первым любым приказчиком в кооперативе! – словом, с Асей будет то же самое, что со мной в 19 г. – весь город – друзья – Вавилонская башня писем – Содом дружб и Любовей – и ни кусочка хлеба!».

Дороги – хлебушек и мука!
Кушаем – дырку от кренделька.
Да, на дороге теперь большой
С коробом – страшно, страшней – с душой!
Тыщи – в кубышку, товар – в камыш…
Ну, а души-то не утаишь!
Октябрь 1919 г.

«…За последние полгода в Судаке они с сыном испытали голод, лежали в больнице Красного Креста. Их оттуда свели под руки…

…В ответ на расклейку записок о преподавании языков, с первых же дней находит уроки: у начальников, у торговцев. Отношение – как к служанке. Впускают с чёрного входа, о деньгах приходится напоминать. Зато – счастье купить

на свой труд – на базаре – вязаночки дров и… печь на подсолнечном масле! оладьи! из серой муки! Быть сытыми!» – это о себе (в третьем лице) и Андрюше пишет А. Цветаева в романе «Amor».

Андрей Борисович вспоминал: «…Тогда мама, которая после освобождения Крыма работала в Наробразе и за свой труд, как это ни странно, в течение месяца от работы приносила 12 дюжин деревянных пуговиц, точёных на токарном станке. И каждый день, кроме того, она ежедневно приносила, ну… маленькую ложечку мёда». («Памятник сыну».)

В 1972 году А. Цветаева в своей «Истории одного путешествия» (Крым-Москва) писала: «…Тут я жила с 8-летним Андрюшей, когда в зале мы замерзали… Я спала там в углу, а сын – на диванчике…

Тут он переболел корью, и с нами чужие дети… брошенные после боёв…».

В очерке «Ночи безумные» ещё одно воспоминание: «Феодосия. Конец гражданской войны.

– Вот вам ордер, – сказал мне вежливый юноша в очках и кожаной куртке, – найдёте свободную комнату – предъявите.

…Но комнат нигде не было, или хозяева их скрывали, не желая связываться с неизвестными жильцами по ордеру.

– …Я служу в библиотеке Наробраза, у меня сын в детском саду, вам от нас не будет неприятностей…

…Как волшебно, как уютно было бы тут Андрюше – после

дорог с потерянными, брошенными кем-то патронами и динамитом, после случайных жилищ!

…В тайной и сильной радости предчувствия, что я буду жить здесь, и мой мальчик, столько видевший уже недетского, увидит кусочек «дома», мира и детства… я пошла обходить стены комнаты, любуясь давно невиданным стилем провинциальной… старины».

Это был дом, где жила певица Сербинова, с которой А. Цветаева виделась в 1911 году в Крыму, вместе с Волошиным.

«…И вот я лечу вниз по горе, в детский сад, за моим Андрюшей, рассказать ему о чудном доме, где будет жить после всех испытаний…».

Из сохранившегося письма М. Цветаевой сестре от 17 декабря 1920 г.: «Ася, приезжай в Москву. Ты плохо живёшь, у вас ещё долго не наладится, у нас налаживается, – много хлеба, частые выдачи детям – и – раз ты всё равно служишь – я смогу тебе (великолепные связи!) – устроить чудесное место, с большим пайком и дровами… Прости за быт, хочу сразу покончить с этим.

…Ася! – Жду тебя. – Я годы одна (людная пустошь). Мы должны быть вместе, здесь ты не пропадёшь.

– Так легко умереть! – Но – странно! – о тебе я все эти годы совсем не беспокоилась – высшее доверие! – как о себе. – Я знала, что ты жива». (М. Цветаева, Собрание сочинений в семи томах, т. 6, Письма. – М., «Эллис лак», 1995.)

Борис Бессарабов – красноармеец, с которым М. Цветаева познакомилась в начале 1921 года, воспользовался партийными связями, чтобы помочь Асе возвратиться к Цветаевой в Москву в мае 1921 года. По воспоминаниям В. Звягинцевой, «Марина ужасно волновалась за Асю, оставшуюся с белыми. Она говорила о ней каждый день: „Ася, как Ася, что сейчас с Асей?“. Потом Ася приехала – абсолютно беззубая, с обнаженными цингой дёснами. Несколькими днями позже Цветаева пришла одна, попросила меня выйти и сказала: „Я не могу жить с Асей, она меня раздражает“. Я просто вытаращилась на неё в недоумении. Это было типично для Марины».

«Ася тоже чувствовала отчуждение между ними. Тем не менее обе сохраняли иллюзию гармонии, как делали это на протяжении всей жизни. Марина потому, что Ася была её сестрой, с которой она делилась воспоминаниями, а Ася потому, что всегда уважала Марину». (Лили Фейлер «Марина Цветаева», Ростов-на-Дону, «Феникс», 1998.).

Не будем полемизировать с утверждением американской исследовательницы об «иллюзии гармонии» в отношениях сестер… Хотя, конечно, ровными эти отношения не назовёшь. И та, и другая были слишком неординарны…

Но пока – встреча Марины и Аси ещё впереди. И в Крыму времён гражданской войны сбываются слова старшей сестры о полном городе друзей и готовности Аси помочь всем.

В 1919-ом А. Цветаева встретила Майю Кювилье (Куда-

шева, Роллан), подругу Цветаевых с 1911 года.

«…За нашу разлуку с Майей я, за полгода до её приезда в Коктебель, пережила в Старом Крыму смерть от сыпного тифа моего первого мужа, Бориса Трухачёва и, как все мы, отогревала сердце возле Макса Волошина и его матери «Пра» (Елены Оттобальдовны). Там, в дни болезни и смерти моего маленького сына Алёши, я видела ко мне доброту Владислава Ходасевича и его жены Анны Ивановны…

А к Крыму приближались красные… Зимой мы с Майей переехали на заработки в Феодосию, в только что образованный Наробраз. Я сняла кроху-квартиру на Карантине, а Майю ждала совершенно неожиданная встреча с правившим городом «батько Иваном» – был ли он коммунист или просто разбойник? – я не ведала. Была ли это любовь или другое, пленился ли он «княгиней Кудашевой» или что-то оценил в Майе – знаю только, что он поселился в доме Айвазовского, откуда только что успела выехать в Турцию семья племянников художника. Наши друзья – и Майя – со всем пылом бросились спасать пострадавших от «батьки Ивана», и, пользуясь своей над ним властью, Майя сделала много добра.

Но недолго царствовал в Феодосии «батько Иван»; свои же, красные сбросили его с престола и, говорят, расстреляли где-то в Джанкое. А «подругу» его, беднягу княгиню арестовали, предъявляя ей обвинение по двум пунктам: как княгине и как любовнице бандита «батьки Ивана».

Я, к умилению её матери, простенькой мадам Кювилье, носила ей в тюрьму – передачу. Тогда люди не боялись помогать друг другу. Но – и это прошло, по кольцу Соломона, – и настала весна, был 1921 год, и я получила от Марины вызов в Москву. И я с сыном девяти лет, Андрюшей, уехала, а Майя уже была на свободе». (Воспоминания А. И. Цветаевой из книги Галины Медзмариашвили «Я жив благодаря ей…» – М., Дом-музей Марины Цветаевой, 2000).

Дружба А. И. Цветаевой с Майей Кювилье-Кудашевой, в апреле 1934 года ставшей женой всемирно известного Ромена Роллана, тоже «аукнулась» в воспоминаниях павлодарцев.

Одноклассница Риты Лидия Петровна Сотник-Гатыч вспоминает, что когда к Анастасии Ивановне в Москве должна была приехать жена Ромена Роллана, бабушка вызвала Риту из Павлодара. Когда Рита вернулась, подружки с трепетом спрашивали – какая она? Для них Майя Роллан была легендой…

Глава 6. «Лесоповал истории». Стихи

Первый раз А. И. Цветаеву арестовали в 1933 году, 22 апреля. Допросы продолжались по 15—17 часов, но через 64 дня её выпустили. «Максим Горький заступился», – говорила она.

То, что при первом аресте за неё заступился Горький, Анастасия Ивановна поняла из слов следователя при аресте в 1937-м: «Горького больше нет, теперь Вам никто не поможет». Из этого она заключила, что при первом аресте помощь была. Первая жена Горького Е. П. Пешкова, которую Анастасия Ивановна хорошо знала, много хлопотала, помогала арестованным. Помощь, возможно, была и от неё, предполагает биограф А. Цветаевой Ст. Айдинян.

Судя по всему, опасность, угрожающую ей и сыну, Анастасия Цветаева чувствовала давно. Марина, жившая в то время во Франции, пишет в черновой тетради 25 июня 1931 года: «Получила окольным путем остережение от Аси, что если я сделаю то-то, с ней случится то-то – просьбу подождать еще 2 года до окончания Андрюши. Ясно, что не два, а до конца времён». (Андрей учился в институте).

Речь идет о публикации «антисоветских» поэм М. Цветаевой – «Перекоп» и «Поэмы о Царской Семье». В марте 1931 года в интервью Н. Городецкой («Возрождение») Марина Ивановна впервые в печати упомянула об этих поэмах.

Информация вскоре дошла до Советской России и, видимо, обеспокоила сестру. (См. примечания в книге «Марина Цветаева. Николай Гронский. Несколько ударов сердца. Письма 1928—1933 годов». – М., «Вагриус», 2003).

Лили Фейлер пишет о настроении М. Цветаевой осенью 1937 года: «…Очевидно, Цветаева не имела понятия о важных событиях, происходивших в этот месяц…

…Без особой на то причины в Москве была арестована её сестра Ася. Некоторые предполагали, что после загадочной смерти Горького Ася осталась без покровителя. Её могли взять, как заложницу, чтобы Эфрон жил согласно ожиданиям руководства».

Что спасло Анастасию Ивановну в этих нечеловеческих условиях – на допросах, в пересылочных тюрьмах, на этапах, в ссылке? Сила духа, физическая закалка, творчество?

«…С 41 года жизни я впервые начала писать стихи. Сперва – английские, затем – русские. Поток стихов залил мои тюремные дни (стихи, рождённые в воздух, утверждённые памятью, ибо даже карандаш в советских тюрьмах был запрещён). Стихи продолжались и в лагере. Но с дня, когда я узнала о гибели Марины, стихи иссякли. И только через 31 год, в 1974 году я написала „Мне 80 лет“, моё последнее стихотворение». («О Марине, сестре моей», книга «О чудесах и чудесном» – М., «Буто-пресс», 1991).

…Как странно начинать писать стихи,
Которым, может, век не прозвучать…

Так будьте же, слова мои, тихи,
На вас тюремная лежит печать.

Это стихи самой Анастасии Ивановны, написанные в тюремной камере. В автобиографическом романе «Amor» она вспоминает: «В тюрьме среди такого шума в камере… – в камере на сорок мест нас было сто семьдесят, как сельди в бочке, – но такая тяга к стихам была, больше, чем на воле, – за пять месяцев столько стихов, разный ритм… Все повторяла, день за днём, отвернувшись к стене, – это счастье, что я у стены лежала! Если бы между женщинами – вряд ли бы я это смогла!».

Вот одно из них – «Сюита тюремная»:

Убоги милости тюрьмы!
Искусственного чая кружка, —
И как же сахар любим мы,
И чёрный хлеб с горбушкой!
…… … … … … ……
…Но есть свой пир и у чумы, —
Во двор, прогулка пред обедом,
Пить пенящийся пунш зимы,
Закусывать – беседой.

История романа «Amor» заслуживает отдельного рассказа. Он писался в лагере, передавался «на волю» на маленьких листках. Часть листов была из папиросной бумаги, поэтому… ушла на самокрутки, и эти страницы романа были утрачены безвозвратно. Через много лет Анастасия Иванов-

на вернулась к этому произведению – прочла сохранившееся, восстановила утраченное, и роман вышел в 1991 году в издательстве «Современник».

«Amor» несомненно автобиографичен, хотя главную героиню А. Цветаева назвала Никой и как бы дистанцировалась от неё… Но так написать о сталинских лагерях мог только тот, кто сам это пережил. Вот лишь несколько небольших отрывков о жизни в ДВК (так, аббревиатурой, всегда писала А. Цветаева о Дальневосточном крае).

«…Разве не страшно вспомнить то, как я жила… те шестнадцать месяцев, которые скиталась по разным колоннам постоянно, перебрасываемая с места на место? месяцы – поломойкой, в бараках с полами из бревён, между каждой парой из них надо было – чем хочешь – вынуть полужидкую, полугустую грязь, вытаскивать ящик с ней, и только затем, пройдя так весь барак, начинать таскать воду и лить, лить её несчетно под нары…

И – не лучше – три месяца я работала на кухне, – тёрла. Всё время тёрла: головой вниз – суповые котлы, столы из-под теста, пол, кастрюли – рука правая так и висела веткой – только левой я могла выпрямить на миг пальцы… А так как я не шла на предложения повара – он кормил меня из первого котла: три раза суп и утром – жидкий шлепок каши – ни рыбы, ни пирожка…».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.